

АНАТОЛИЙ СУЛЬЯНОВ

Долгая ночь в Пружанах

Повесть

В последнюю неделю декабря началась такая метель, что ног своих не видно, снег валит валом дни и ночи, снежным саваном устилая все окружающее: дома, дороги, стоянки автомобилей.

По устоявшейся традиции накануне Нового года семейные пары проводили в Лету старый год. Они дружно подняли бокалы за счастье, за успехи в служебных делах. Был повод: о них недавно тепло отозвался главнокомандующий, человек, редко хваливший подчиненные ему войска, тем более руководителей; чаще он жестко и строго, по-жуковски спрашивал за упущения и недоработки.

Ансамбль офицерского клуба в паузах между тостами исполнял веселые одесские музыкальные шутки времен Утесова и Рознера, лирические мелодии, что, естественно, создавало приятное оживление. Люди веселились, радовались тому, что, наконец, собрались вместе, говорили больше о делах семейных и домашних, о детях, задевая в разумных пределах и дела служебные.

Приглушенный звонок телефона дальней связи, стоящего в соседнем зале-чике, насторожил сидевшие по соседству семейные пары. Офицер, снявший трубку, настороженно выслушал сообщение, дважды глухо повторил: «Понял! Понял!» Он медленно опустил, казалось, потяжелевшую трубку на аппарат, глубоко и огорченно вздохнул и вполголоса обратился к командующему: «Оперативный дежурный командного пункта доложил о тяжелом ранении прапорщика РВСН¹ солдатом нашей радиолокационной роты в Пружанах. Я переоденусь и сразу выеду».

— Валерий Константинович, с вами поедет полковник Кухта Николай Данилович. Будьте внимательны и осторожны!

— Понял.

Он повернулся к улыбающейся, празднично настроенной жене, тихо шепнул ей:

— Еду домой. Переоденусь и помчимся в сторону Бреста. Там очень большая неприятность.

— Почему опять ты? На день рождения умчался в Вильнюс, теперь в Брест?

— Такая у нас с тобой служба! Извини, и по-симоновски: «Прости, что и этот год ты встретишь без меня».

Дома он надел обычный зимний комплект: меховые сапоги, шинель, теплые перчатки, поглубже надвинул папаху, позвонил о выезде оперативному дежурному, закрыл на замок квартиру, спустился к подъезду и сел в «Волгу».

— В путь, Николай Данилович! Для нас с вами праздник, увы, закончился. Геннадий, скорость восемьдесят-девяносто с соблюдением мер безопасно-

¹ РВСН — ракетные войска стратегического назначения.

сти. Дорога тебе знакомая. И как поется в песне, крепко за баранку держись, шофер!

Пока выезжали, офицеры обменялись мнениями о случившемся, о том, что радиолокационная точка расположена в черте города, велик соблазн у солдат пообщаться с девушками, у командира — забот полон рот: и радиолокаторы, и связь, и люди, и все это на одном человеке — в роте должность замполита не положена по штату...

— В этой роте, Николай Данилович, давно были?

— Больше года, — едва слышно, виновато ответил Кухта. — Десятки радиолокационных рот, батальонов. Главное — боеготовность подразделений локаторов прибалтийского направления. Вы правы: молодые люди наглеют, в армию все чаще и чаще попадают парни, имеющие судимости и неоднократные приводы в милицию. Сказывается и безотцовщина, и рождение детей одинокими мамами...

Разговор постепенно затих; о случившемся каждый думал по-своему, но им обоим и командующему предстояло держать ответ перед главкоматом, а московское начальство в последнее время ожесточилось — стало более нетерпимым. Они, размышляя Старший группы, не представляют, что часто офицеры, находясь в ожидании сокращения штата и перемещения в отдаленные гарнизоны, трудятся не в полную силу. И даже те офицеры, кто раньше работали с огоньком, теперь ослабили взыскательность и строгость. «Сколько подобных сокращений штатов пришлось пережить за всю долгую службу, — вздохнул Старший. — И самое обидное, что авторы перестроек и перетряхиваний не считают потерь. На полных слез глазах летчиков тракторами давили реактивные истребители-бомбардировщики во времена не столь отдаленные. И даже новейшие МиГ-27 по требованию заокеанских «переговорщиков» разобрали на металлолом: двадцать седьмые были объявлены «ударной авиацией». А эти машины могли бы летать до сих пор...» Неужели в Центре не понимают простой истины — каждое нововведение, связанное с сокращением личного состава, требует взвешенного, проверенного на практике человеческого подхода, а всякая новация должна быть предварительно глубоко исследована, апробирована экспериментально, изучена и сопряжена с мнением офицеров-войсковиков, тем более что автором упразднения управленческой структуры противовоздушной обороны был руководитель, прослуживший в сухопутных войсках специалистом по фортификации много лет. Прямо как по Гашеку: «Все шло хорошо, пока не вмешался генштаб». Бывает же такое, когда судьбу ведомства, структуры, организации решает непрофессионал, не знающий сути управления соединениями противовоздушной обороны и военно-воздушными силами. Как можно, мысленно спрашивал себя Старший, принимать решение о ликвидации объединений, не посоветовавшись со специалистами-профессионалами НИИ противовоздушной обороны и военно-воздушных сил? Тем более что в военных округах, куда передавались дивизии и корпуса ПВО, оснащенные автоматикой, современными АСУ, не было систем автоматизированного боевого управления, а все еще оставалась телефонная связь.

После трех с четвертью часов в пути «Волга» остановилась у слабо освещенного входа в казарму. Сержант, сбиваясь от волнения, торопливо и нечетко доложил о случившемся. У дневального шапка сдвинута на затылок, поясной ремень не затянут, неряшливо заправлена гимнастерка, на кроватях в углу спального помещения лежат солдаты — одни в гимнастерках, другие укрыты шинелями. «Все зависит от среды и порядка, — часом назад говорил Николай Кухта. — Среда, окружение или воспитывает, или, наоборот, развращает молодых людей». В этой роте внутреннего порядка, похоже, не было!

Сказанное все более дополнялось увиденным: безразличием и равнодушием части подразделения. Много здесь делалось, как говорят, спустя рукава. Некому было, похоже, заинтересовать людей, озадачить высокой личной ответственностью по прикрытию страны в воздухе.

Ротный командир сопровождал прибывшего часом раньше корпусного начальника, они оба выехали в сторону автобусного вокзала в надежде задержать сбежавшего вооруженного солдата, тяжело ранившего прапорщика, пытавшегося, как только что выяснилось, обезоружить пьяного караульного. На вопрос, почему караульный не сдал карабин после окончания смены, сержант недоуменно пожал плечами и отмолчался. Оказалось, что дневальный и дежурный по роте увидели вбежавших в казарму двух нетрезвых испуганных сослуживцев, сообщивших о том, что от случайного выстрела во время попытки обезоружить хмельного караульного прапорщик получил ранение и упал на дорогу...

Николай Кухта, как было заранее определено, поочередно опрашивал радиолокаторщиков, осматривал место распития солдатами алкоголя, проверял знание обязанностей караульными, дневальными и дежурными по роте.

Участились телефонные звонки: командиры то радиотехнического батальона, то полка беспокоились, пытались узнать подробности случившегося преступления.

— Вас требует командующий войсками округа! — громко произнес дневальный.

— ...янов, слушай внимательно. К тебе я направил из Бреста два бронетранспортера и отдал приказ: при обнаружении сбежавшего вооруженного солдата открывать из БТР огонь на поражение! Понял? Огонь на поражение! В черте города строго соблюдать меры безопасности. Сам садись в БТР и хорошо осмотри отдельно стоящие постройки. Второй БТР в распоряжении командования корпуса. Будь осторожен! Успехов тебе!

В БТР Старший сел впервые; в шинели и меховых сапогах было тесно и неудобно. Экипаж БТР воспринял его появление настороженно и удивленно, а командир БТР — молодой и крепкий офицер, выслушав задание, ответил: «Есть!» и чуть громче обычного scomандовал: «Вперед!» Экипаж обследовал окраины райцентра, побывав везде, где были дороги и перекрестки, но в поле не выехали — мешали сугробы и большие снежные заносы...

Поисковые группы вернулись в казарму к рассвету ни с чем, будто беглец сквозь землю провалился. Солдаты роты, не снимая шинелей, устало повалялись на кровати, сержанты устроились возле печки и рядом с дневальным. Настороженная тишина заполнила каждый угол, и лишь в командирской комнате между собой вполголоса вели разговор три начальника, сетуя и на случившееся, и на отсутствие в роте элементарного воинского порядка, и на отсутствие штатного политработника, и на безынициативное исполнение своих обязанностей сержантами роты.

— Ротный командир, — говорил корпусной начальник, — перегружен заботами, нехватками, обязанностями — месяцами работает без выходных дней и нормального отдыха. Неужели там, в высоких штабах и управлениях, не знают об этом? Без замполита роты командир вдвое-втрое перегружен — слишком широк круг его обязанностей.

— А замполит батальона?

— Он бывает здесь, старается помочь ротному, но речь идет о каждодневных обязанностях: воспитание, боевое дежурство, дисциплина.

Неожиданно громче и дольше обычного зазвонил телефон дальней связи.

— Вас требует «Комета»! — удивленный незнакомым позывным сержант подал телефонную трубку Старшему группы.

По громкому басовитому голосу и манере резко и с ходу вздрючивать подчиненных он узнал главнокомандующего войсками противовоздушной обороны и попытался было доложить о случившемся. Но верный своей привычке не выслушивать подчиненных, московский военачальник прервал доклад.

— ...янов, чем вы с командующим занимаетесь? Что за порядки в ваших войсках? Пьяный солдат с оружием разогнал жителей районного центра! Есть ли у вас, господа начальники, командиры полков и бригад, и чем они занимаются? Есть ли в войсках такое понятие, как честь и совесть, в конце концов? Новогодний праздник не можете организовать! У людей праздник, а у вас пьянство и убийство! Брандахлысты! Лодыри! Бездельники ваши командиры и политработники! Черт бы вас побрал! Что делают начальник радиотехнических войск и его подчиненные? Где замполит роты, батальона, полка? Чем они занимаются? Что делает замполит корпуса? Мы с вас и с командующего строго спросим!

— Докладываю, товарищ главнокомандующий. В радиотехнической роте кадра замполита по штату нет. В роте...

— А почему вы с командующим спите в шапку? Рота приграничная, несет боевое дежурство! Почему вы не доложили свое предложение о введении в штат роты замполита? Мы с вас и с командующего строго спросим! Что сделано по поиску преступника?

— Полагаю, товарищ главнокомандующий, что преступник с рассветом будет задержан. Командующий войсками округа выслал в помощь два бронетранспортера, приказав вести огонь на поражение. Поисковые группы провели осмотр автовокзала, улиц города, автомобильных дорог. С рассветом группы снова выйдут на поиск.

— Вы там, — голос главнокомандующего поутих, стал снисходительнее, — поаккуратнее с «огнем на поражение» — сам смотри внимательно! Понял? Действуй! Жду доклада о задержании преступника!

Какое-то время потяжелевшая, крепко сжатая трубка находилась в побелевшей от усилия кисти руки, а охватившее нервное волнение и напряжение долго не ослабевали; не успокаивалось и учатившееся дыхание — впервые главком отчитывал по телефону, да еще по такому тяжелому происшествию. Тут и фамилию забыть можно, как случилось с одним из войсковых руководителей, когда главком разбираясь с ним в связи с ЧП, спросил полковника: «А как ваша фамилия — вы не забыли?» Тот недолго думая ответил: «Так точно! Забыл!»

Старший осторожно опустил трубку на аппарат, облегченно вздохнул, хотел было подняться и выйти на улицу, но сделать шаг сразу не смог — ноги не слушались... Успокоившись, надел шинель, папаху и вышел на улицу, окинул взглядом чуть-чуть посветлевшее, но все еще мрачное небо. Главком, конечно же, человек государственного мышления, стратег, создавший, по оценке западных специалистов, одну из лучших в мире систем противовоздушной обороны страны, но резкий и жесткий до предела, когда речь шла о надежном прикрытии страны с воздуха, об упущениях в боевом дежурстве или о происшествиях наподобие сегодняшнего.

На улице медленно просыпался рассвет; вокруг стояла глубокая ночная, таинственная тишина, и лишь редкий, приглушенный лай собак нарушал безмятежный покой. Ветви могучих деревьев под тяжестью обильно выпавшего накануне снега круто пригибались к земле большими дугами. Плотной серой мешковиной облачность все еще простиралась к горизонту, и только отражен-

ный от вымороженного снега тонкий свет зари оставлял надежду — постепенно развиднеется, а там, глядишь, и солнышко покажется.

Пока же едва высвечивался только одиноко стоявший сарай, вокруг которого кружились громко каркающие вороны.

Старший, размашисто шагая, продолжал мысленно выстраивать варианты исчезновения солдата с оружием. Туда, к сараю, вряд ли побежал, да и заметных следов на безбрежно раскинувшемся снежном поле не видно, но почему-то его стало тянуть именно к этому сараю. Может, там и скрывается беглец с карабином? Но БТР по такому глубокому снегу, по снежной целине огромного поля вряд ли пройдет. Дважды пытались на БТР проскочить по другому полю, к окраине леса, но прорваться не удалось.

Начнем, пожалуй, штурмовать снежную заволочь, решил он и направился в сторону сарая, увязая то и дело в рыхлом, сыпучем снегу. А если его в сарае нет? Где тогда искать? Обстановка усложнилась до предела: и Москва ждет сообщения о задержании вооруженного солдата, и командующий округом, и командарм с беспокойством и озабоченностью звонил... Поначалу в меховых армейских сапогах идти было удобно, но вскоре шагать стало заметно труднее, все чаще он попадал в засыпанные снегом ямы, проваливаясь по колено.

Вдруг ему послышался чей-то рассерженный голос: «Стой!» Он тут же остановился, настороженно и испуганно осмотрелся, но никого ни рядом, ни вдаль не было, и только экипаж БТР, отслеживая его медленное продвижение, неторопливо и угрюмо поворачивал угрожающие оружейные стволы. Остановившись, снова осмотрелся вкруговую, непроизвольно задержав взгляд на сарае, и вновь продолжил тащиться по полю, все сильнее ощущая смутное беспокойство. Волнение усиливалось, и он невольно все чаще и чаще бросал взгляд на единственное строение посреди заснеженного поля. И хотя, казалось, никаких перемен не происходило, его все больше охватывала нарастающая тревога, отчего он, казалось, лишался части сил, что, естественно, замедляло его движение. Шагать становилось не под силу. Сделав еще несколько шагов, он снова услышал тот же тревожный, требовательный голос: «Стой!» Остановился, посмотрел вокруг — никого, кроме шагавшего за ним сержанта в длиннополой шинели, не было видно. «Что за чертовщина?» — молча возмутился Старший, прислушался, но ни одного звука в вымороженном за долгую ночь звонком воздухе не услышал.

Осматривая в очередной раз местность, задержал на мгновение взгляд на бревенчатой стене сарая, откуда, показалось ему, между крупных бревен мелькнул чей-то взгляд. Почудилось, решил он; идти дальше ему почему-то не хотелось, хотя до сарая — рукой подать. Его что-то удерживало посреди заснеженного поля, сказывались, похоже, бессонная ночь, нервотрепка и наступившая усталость.

Знакомо ли вам, дорогой читатель, предчувствие беды? Когда где-то в глубине сознания начинает нарастать беспокойство и все, что было рядом, отдаляется от вас, и вы все больше и больше чувствуете себя беззащитным и одиноким. Более того, начинаете постепенно ощущать нарастающий страх...

Нежелание идти дальше усиливалось, ноги, казалось, не слушались, тело потяжелело. Тревога нарастала, вызывая страх. Да и сердце будто стучало чаще обычного, кровь же, наоборот, застыла под кожей.

Что же делать? Попал как кур в ощи: пошел проверять сарай под прикрытием БТР, а теперь, не дойдя каких-то пятьдесят метров, беспричинно возвратиться не солоно хлебавши? А может, все-таки заглянуть в сарай? Но что заставило его остановиться? И это предостерегающее «Стой!»...

Содрогнувшись, едва не присев на одеревеневшие ноги, он на мгновение замер. И тут же донесся тревожный крик словно обезумевших каркающих ворон. Идти или не идти?

Нет! Надо все-таки дотащить до этого проклятого сарая!

Он сделал несколько шагов, но тут же услышал позади себя крик. Обернувшись, увидел бежавшего в его сторону сержанта, кричавшего что-то об очередном телефонном звонке. В то же мгновение боковым зрением неожиданно увидел раздетого, без шапки, с поднятым над головой карабином, увязавшего в снегу солдата. К нему камнем бросился сержант, по-командирски резко и строго приказал:

— Бросай оружие!

Тут же из БТР, поверх людей, оглушительно вырвалась огненная трасса. С испугу солдат бросил карабин, упал в снег, и на него с разбегу рухнул сержант, схватил его за руки. Оба медленно поднялись и, утопая в снегу, двинулись в сторону ротного городка.

В казарму вошел в сопровождении сержанта раздетый, в одной гимнастерке, дрожащий от холода и страха беглец и сразу бросился к печке, приник к ней грудью и распухшими от холода руками, стараясь вжаться в кирпичную кладку. Зубы его громко стучали, обильно слезились покрасневшие глаза, он содрогался, трепетал всем телом, всхлипывая и глухо постанывая. Глядя на дрожащего, замерзшего до крайности паренька, Старший приказал:

— Дайте ему горячего чаю! Накиньте на него одеяло, и пусть он наденет валенки!

В комнате ротного командира Старший взял телефонную трубку, попросил телефонистку:

— Соедините с командующим войсками округа! Срочно!.. Товарищ командующий! Докладываю: только что сдался с оружием солдат радиотехнической роты. Всю ночь и утро он отсиживался в сарае с сеном. Бронетранспортеры отправлены в Брест. Спасибо Вам!

— Делайте выводы. Наводите порядок в отдельных удаленных ротах и батальонах, — строго и сочувственно посоветовал генерал-полковник...

О задержании солдата с оружием было сообщено командующему армией, доложено на «Комету» оперативному дежурному, генералу центрального командного пункта для доклада главнокомандующему...

* * *

В комнате ротного командира они остались вдвоем; солдат тупо, отрешенно и молча смотрел в пол, не поднимая глаз. Сидел в валенках, с накинутым на плечи одеялом, продолжая ненасытно пить горячий чай, на вопросы Старшего отвечал тягуче и заторможенно, говорил прерывисто, продолжая дрожать — холод медленно покидал замерзшее худое тело.

— ...Я после выстрела спужался... сробел от... от страха и... и побег.

— Куда же ты бежал?

— А я... я... не з...з...знаю. Я... был как чум... как чумной. Полоумный, а можа... сдурел совсем. Я ничего не видел, никого не слышал. Бежал от них, кто... кто побег... побег за мной... Он, зараза, хо...хотел отобрать у меня... мой кара...карабин. А я... я не отдавал оружие... И вдруг... выстрел... Человек вскрикнул и упал. И я со страху побег... А другой... другой дядя за мной. Он за шинелю схватился... я... выр...вырвался из шинели и побег... побег без нее.

Дрожь не оставляла сильно перепуганного и вконец замерзшего, озлобленного человека, испытывавшего и животный, внутренний страх, и глубокое

охлаждение всего тела. Холод лишил его памяти, и он, чтобы ответить даже на простой вопрос, подолгу напрягался, морщил лоб, уставив взгляд на что-либо или, наоборот, пугливо и часто двигал глазами из стороны в сторону. Молодой солдат не выдерживал обыкновенного человеческого взгляда, прятал глаза, нервничал, ерзал на табуретке, лицо его покрылось испариной, он, похоже, только теперь начал понимать всю тяжесть случившегося и оттого испытывал нарастающий страх.

— ...Бежал в темноте, увязал в снегу, падал, пока не... не помню, как оказался в сарае, в сене. Поперву, сквозь дрему, можа, уснул или... сознание потерял — уж и не помню... Очнулся от страха и холода, закопался вглубь сена, замерз. Что делать? Не знал...

И в то же время ему разговор вроде становился лишним, ненужным, солдат слушал кое-как, вполуха, подолгу смотрел в окно испуганными, расстроенными глазами. Он, похоже, находился в мучительном разладе и с самим собой, и с окружающими его людьми. Теперь главное — помочь ему обрести себя, уверенность, опереться на его добрый характер, вселить в душу твердость, укрепить совесть. Но, тем не менее, временами казалось, что он не хочет быть лучше.

Ключий, угрюмый взгляд его оставался почти неподвижным; на вопросы не отвечал, оставаясь в оцепенении, словно замороженное изваяние. Скуластое, опухшее лицо его оставалось бледным и безжизненным, с оттенком белого мрамора.

Услышав в который раз вопрос, кто стрелял и что толкнуло его на преступление, солдат неожиданно истошно закричал:

— Не знаю! Не знаю! Ненавижу всех! Не убивал я! Никого не убивал! Они... Они убили! Не стрелял я! Я никого не убивал! Свой карабин я не отдавал, а они вырвали у меня...

Взьерошенный и озлобленный, подобно взрослому рычащему щенку, он готов был кинуться на обидчика, бросая негодующие, злые взгляды в его сторону. У него, похоже, не было сомнений в своей правоте и невиновности.

— Они убили! Не стрелял я! Не виноват я! Не могу больше! — крикнул Семен и бросился к полуоткрытой оружейной комнате, схватил стоящий в углу пирамиды свой карабин, рванул рукоятку затвора, но в то же мгновение дежурный по роте кинулся к нему, вырвал из его рук оружие и со всей силой оттолкнул его так, что тот рухнул на пол, ударившись головой о стол. Ему тут же связали руки, ввели в комнату к Старшему. Тот подошел к потерявшему самообладание солдату, взгляделся в лицо и приказал:

— Дайте ему еще чаю!.. Развяжите руки...

Кружку с горячим чаем Семен взял обеими руками, поднес ее к вздрагивающим губам, — Старший услышал биение металла о зубы. Чай глотал жадно и с шумным придыханием. После затянувшегося молчания, отвечая на вопросы, солдат хлюпал носом, торопливо вытирал с лица ладонью пот, все еще находясь в состоянии сильного возбуждения. Взгляда Старшего не выдерживал, опускал голову на грудь, похоже, стыдился, на вопросы начал отвечать лишь после того, как выпил очередную кружку чая и вытер лицо.

— Знаешь ли ты, Семен, что сейчас ты, я и вся рота находимся на обильно политой в войну кровью бойцов Красной Армии Пружанской земле? Слышал ли ты об этом?

— Не-е-а.

— 22—23 июня 1941 года в Пружанах танкисты 141-го и 142-го танковых батальонов 32-й танковой бригады больше суток держали оборону. А на той улице, где сегодня был тяжело ранен из твоего карабина человек,

шел бой с танками Гудериана. Советские танкисты сражались до последнего снаряда, до последней капли бензина. Бой был жестоким. Танки корпуса Гудериана прошли Польшу, Чехословакию, великую Францию, Нидерланды, Бельгию — они завоевали всю Европу! И вдруг в белорусских Пружанах два советских батальона стоят насмерть! Танки Западного фронта БТ-5 и БТ-7 горели как спички — на них стояли бензиновые двигатели, и их экипажи гибли вместе с горящими танками. Танкистам было лет столько, сколько тебе и твоим товарищам, Семен! И ни один не струсил! Танкисты двух батальонов погибли смертью героев на улицах Пружан!

Старший заметил, что у открытой двери собралась вся рота с командиром.

— Сыны наши! Вы охраняете Белорусскую землю. Рядом с вами останки танкистов 141-го и 142-го танковых батальонов Западного фронта. Не забывайте этого! Я склоняю голову перед ними...

Установилась глубокая тишина — люди, казалось, даже не дышали.

Старший на мгновение задержал взгляд на Семене и удивился — лицо, особенно глаза парня, отражали нестерпимые муки, — и спросил себя: «Что сейчас творится в его душе?» Душа, конечно, мается, страдания волнами накатываются и на измученную переживаниями душу, и на мальчишеское, незащитное лицо, то затеняя его, то высвечивая меркнувшую голубизну глаз...

* * *

Семен постепенно обрел дар речи, говорил, уже не заикаясь, но с большими паузами; похоже, память тоже вернулась. Но на вопросы он отвечал по-прежнему боязливо, часто задерживая взгляд на двери, словно ожидая ареста. Старший решил продолжить уточнение случившегося ночью. Семен ответил:

— Думал долго — что делать? В роту иттить боялся — робел, испуг после выстрела глубоко сидел во мне.

— Чего же ты, Семен, ждал?

— Не... не знаю. Но очень боялся... Стал смотреть в щелю, вижу, ходят сержанты наши, потом ротный командир, апосля чужой в большой шапке человек появился. И ротная собачка наша бегают! И так мне хотелось погладить ее! Я очень люблю собачек, козочек! У бабушки были и козочки, и собачки. Я с ними рос, и с бабушкой.

— А где твои родители?

— Папаня ушел от нас, а мамка после этого пить водку начала... А когда бабушка стала болеть, меня отправили в детдом...

Старший слушал, удивленно покачивал головой. Вот сколько довелось парню пережить...

— Потом увидел броневик у входа в роту. И мне стало страшно. Это, думаю, за мной! Снова спужался от страха — на ём пулеметы, ён, зараза, завезет куда-нибудь, а оттуль не выберешься! И по сараю очередь-другую может дать! Куда теперь иттить? Убьют сразу! Думал-думал, что делать? Куда иттить? В роту — боялся, а чего, не знаю, видать, страх обуюл меня. Карабин мой выстрелил, и я... значит, виноватый...

— Видишь, Семен, как плохо началась вся твоя полоса неудач и нарушений — с употребления спиртного, а кончилась стрельбой. Не переломишь себя — тобой будут плохие люди помывать и править. Береги себя от скверны чужого веления! Нельзя уступать их требованиям! Раз уступишь, другой, и

все — нет у тебя свободы, нет и тебя! Характер свой надо иметь и свое «я». Уметь за себя постоять и других защитить. Главное — слушай свою совесть! От совести, браток, многое зависит!.. И сколько бы ты еще в сарае просидел? Ведь мог и замерзнуть! Ждал, пока за ноги тебя не выволокут? Продрог сильно... И до сих пор не согрелся.

— Можя, и замерз бы. Пакуль в щелю не посмотрел. Гляжу, к сараю идет офицер в высокой шапке и в шинеле какого-то необычного цвета. Идет и идет! Почему-то, наверное, сдуру, загнал патрон в патронник, машинально, на всякий случай. Никого не хотел убивать — мной кто-то командовал, дьявол или черт? А ён, зараза, идет и идет. Куда же, думаю, ты идешь? Патрон же в патроннике!

— Одного чуть не убил — мало. Второго мог убить, — резко бросил Старший, насупившись.

— Не хотел никого убивать! Не хотел! А ён, зараза, идет. Что же мне оставалось делать? Бежать? Куды, когда броневик стоит с пулеметами. Мозги, наверно, заledenели, оттого и дурь лезла в голову. Видать, во мне страх засел — стал всего бояться. Подумалось, офицер идет за мной. Снова спужался! Не хотел я ни стрелять, ни убивать. Но что мне делать? Сидеть и ждать, пока меня сцапают?

— Но одного же ты убил! Мало?

— Там, в той драке, сам черт не разберет, кто курок-то нажал. Я не убивал! Не мог я убивать — я же с бабушкой Богу в церкви поклялся не убивать. Она говорила, что об этом в Священном Писании прописано. Бог-то наш против убийства.

— Карабин сам, что ли, выстрелил?

— Не нажимал я курок! Не нажимал! Там тады трое за карабин хватались!

Солдат, похоже, и в самом деле не стрелял, кто-то из троих в борьбе случайно нажал на курок. Поди теперь разберись, кто? Следствие разберется? Разумеется, оставшийся из тех двоих, конечно, будет утверждать, что и он не нажимал курка. И Бога вспомнил, бабушка, похоже, учила мальчишку отнюдь не плохому, а хорошему. А как не стало рядом ее, так и некому было наставить парня...

— А офицер идет и идет к сараю! Подумалось, за мной! Опять спужался! Не хотел убивать! Но кто-то подталкивал меня. И я стал прицеливаться, хотя руки заоченели, карабин еле держали. За мной, зараза, идет!

— Кто же тебя подталкивал?

— Не знаю... Черт или дьявол? Не знаю... На офицера смотрел через кольцо и прицельную мушку... Идет, зараза... Остановился, снова пошел. И тут-то из меня вдруг молча вырвалось: «Стой!» Он остановился. Послушался, поди! Но снова пошел! И мне кто-то прошипел над ухом: «Целься! Он за тобой идет!» Прицелился плохо — руки от холода не слушались, ствол из стороны в сторону дергался.

— А говорил, что никого убивать не будешь! Так?

— Так-то оно так. Но, наверно, не я это решаю!

— А кто?

— Бабушка Варвара говорила, что в человеке есть дьявол. Чей-то голос мне командовал: «Целься! Стреляй!» Смотрю, офицер стоит, не идет, тоже, поди, спужался. Потом пошел сызнава. Я за карабин, опять целиться начал.

— За что ты хотел убить человека? Лишить его жизни? Жизнь-то, Семен, не повторяется!

— Не хотел я убивать! Я сызнава шепчу: «Стой!» Но эта чужая проклятая мысль сверлила голову: «Сделает три шага — стреляй!»

— Человека же убиваешь! Мой трехлетний сынок Юра стоял возле станичной изгороди и кричал вечером пастуху стада: «Не бейте теляток! Не бейте бычков!» Подрос, стал первоклашкой, требовал: «Не убивайте мышек, они маленькие, жить хотят!» Мышей в клетке! И выпускал мышек на улице из клетки. Ему мышонка было жалко! А ты убил человека и теперь целишься, чтобы убить еще одного! За что? А у него сыночек есть. Убить человека — большой грех! Не так ли, Семен? Есть святые заповеди. Одна из них гласит — «Не убий!».

Валерий Константинович поднялся, подошел к Семену, взял его за плечи и хотел было приобнять плачущего солдата — ему было жаль попавшего в беду вчерашнего подростка. Парень-то, видно, неплохой, душа нараспашку. Со слов Семена ему стало известно, что отец оставил бедствующую семью, а мать вскоре ударилась в застолья с участием мужчин, надолго оставляя ребенка голодным и неухоженным. Семена спасла бабушка Наташа — заботливая, внимательная, доверчивая бабуся, она и накормит вовремя, и бельишко постирает. Потом она заболела, а мальчика отправили в детдом...

— Ты посмотри мне, Семен, в лицо, посмотри и запомни глаза человека, которого ты собирался убить! Запомни на всю жизнь!

Семен взглянул в лицо Старшего, но не выдержал, невольно опустил смущенный, беспомощный, рассеянный взгляд в пол.

В комнате стало так тихо, что слышались лишь шорох снега от ветра по подоконнику да редкие, тяжелые вздохи вконец расстроенного Семена. Двое стояли рядом, говорили о самом главном — о человеческой жизни! И чем убедительнее говорил Старший, тем большую ущербность испытывал младший, ощущая, как внутри него происходили какие-то скрытые перемены, менявшие его существо, похоже, совесть медленно вытесняла все ненужное, лишнее, очищая его суть, его душу. В груди все скукожилось, замерло, притихло, душа будто опустела...

Близость Старшего постепенно давала о себе знать — то ли его энергия, то ли невидимый нажим острыми иглами вонзались в его душу, усиливая чувство вины, стыд молодого солдата за все случившееся.

Голова Валерия Константиновича почти касалась головы солдата. Его от слез распухшие губы и покрасневшие веки глаз постепенно принимали нормальный вид. Похоже, что малый все яснее чувствовал свою вину. Но заговорит ли валамова ослица его совести? Сможет ли одинокий юноша исправить самого себя, тем более, что наказание, разумеется, ему назначат. Много, очень много предстоит ему перевернуть в самом себе. Его авгиевы конюшни так запущены, так занавожены, что их предстоит долго чистить да скоблить. А те двое? Завели молодого солдата в дизельную, соблазнили дармовой выпивкой. Сколько же таких «стариков», их иногда называют «черпаками», глумятся над только что надевшими военную форму и принявшими присягу. У многих армейских воспитателей руки, увы, не доходят, чтобы защитить каждого, а иногда и особого желанья нет глубоко окунуться в эту навязшую в зубах армейскую проблему. Многие военнослужащие вроде бы смиренно слушают наказания и поучения, но на самом деле они не научены воспринимать и реагировать на услышанное. Умение слушать — тоже редкость, даже в семье дети не всегда услышанные от родителей советы воспринимают как надобно. Армии, увы, приходится довоспитывать огрехи семейного воспитания, но не каждый офицер способен стать заботливым отцом.

Семен — одинокий, брошенный гулякой-отцом и непорядочной матерью, словно услышал мысли Старшего, не сдержал себя, и накопившиеся у него слезы хлынули разом, проложив на лице маслянистые дорожки, стекая по распухшим щекам. Он вытирал слезы, размазывая рукавом давно не стиранный

гимнастерки, шмыгал носом, шумно втягивал в себя воздух, ниже и ниже опускал голову. В наступившей тишине слышались лишь его тяжелые вздохи да частое хлюпанье носом. Но в глаза человеку, которого он час назад мог убить, Семен не смотрел.

* * *

Проблема эта созрела давно, и не только в армии, а и в государстве. Сколько детишек «растет» с помощью ремня, избиений и издевательств пьянствующих родителей, потерявших облик добрых, заботливых, сердечных воспитателей...

Боль в груди Семена искала выхода, она рвалась наружу, будоражила каждую клеточку. Теперь Семен знал только одно: он совершил огромный, неискупаемый грех, и вина беспрерывно давила на него, гроздьями собираясь в груди, в горле, мешала дышать.

Бабушка часто в семье говорила о грехах, старалась удержать взрослых от греха, но он тогда не задумывался о своих проступках и только теперь, в эти страшные минуты осознал всю тяжесть своего греха. Кто лишил жизни невинного человека? И потому отчаяние охватило все его тело, душу, и он, глотая подступившие горячие слезы, не заметил, как стон постепенно сменился рыданиями, поначалу тихими.

Слезы лились градом по бледному исхудавшему лицу, скатывались на гимнастерку, падали на все еще холодные, распухшие руки, и он как мог сдерживал рыдания.

— Человек, в которого ты целился, как был одет?

— В шинель светло-серого цвета.

— Посмотри на вешалку позади тебя.

Солдат обернулся, задержал взгляд на висевшей стального цвета шинели, испуганно вскочил.

— Вот в такой же шинели был офицер! Можя, ета она и есть! — Он бросил взгляд на сидевшего перед ним человека и... замер. Лицо Семена от испуга сжалось, широко открытые глаза потускнели, и весь он, опустив плечи, растерянно блуждая взглядом, сник, снова замкнувшись в себе.

Семен долго находился в состоянии оцепенения; съежился, словно ожидая ударов, едва выговаривая слова, тихо обронил:

— Так это... Это вы... тама шли. Вы, точно... Я... вас держал в прицеле... Вы шли пря... прямо на меня... Зачем же вы шли к сараю? Я, можя, тады и выстрелил...

— И убил бы ты меня, Семен! За что? Что я тебе плохого сделал?.. А? Человек, которому врачи сейчас пытаются спасти жизнь, ни перед кем из вас не виноват! Он пытался уберечь вас, пьяных, с оружием, от других преступлений! Чем я перед тобой провинился: обидел тебя, издевался над тобой? Я исполнял свой воинский долг, присягу, искал, как мне доложили, убийцу прапорщика...

— Звиняйте меня! Виноват я... Простите... Сдурел я тады. Я же выпимши был... Не помню ничего...

— Бутылка виновата? Твоих собутыльников тоже накажут. Вас будет судить военный суд! Трибунал! Понимаешь ли ты?

— Простите меня... — чуть слышно произнес Семен, всхлипывая и содрогаясь всем телом. — Не хотел же я с ними иттить в дизельную... Это они, «старики» меня затащили туды...

Он снова залился слезами, хлопал носом, вздрагивал, вытирал мокрое лицо рукавом гимнастерки. Неожиданно снова заговорил:

— Я тады устал: тренировка у локаторов всю ночь, дежуришь над экраном по готовности. Потом цели пошли. Я все цели обнаружил и даже две цели в сильных помехах. Чуть не ослеп — уж очень больно глазам, а помехи такие, что слезы текут. А после ночной тренировки приказали провести регламентные работы на локаторах.

— И как часто у вас такие нагрузки?

— Часто — мы же возле границы! Пospал часа два-три, поел, и моя смена дежурить по охране роты. Так хотелось хотя бы присесть! А надо ходить по окружности всех наших служебных помещений. Усталость после дежурства такая, что ноги еле держат.

— Кинофильмы вам показывают в выходные дни?

— Нет. Клуба у нас нет. По телеку кое-что смотрим. Я так лучше посплю. Не высыпаюсь ведь. Двухсменку еле-еле выдерживаем: на боевом дежурстве четыре часа у экрана локатора, потом то учебные, то политические занятия, то баня, поел и снова к экрану на четыре часа. Отдых бывает редко, спим урывками.

Валерий Константинович слушал откровения локаторщика, внимательно вглядывался в его лицо и думал о своем, наболевшем. Действительно, наши и солдаты, и сержанты, и офицеры перегружены, несут служебные обязанности без отдыха, без нормального сна, выполняя ответственные задания боевых дежурств и у экранов радиолокаторов по охране неба страны, и в стартовых расчетах зенитных ракетных дивизионов, и в дежурных звеньях истребительной авиации. В них накапливается усталость, та самая «отрицательная энергия», которую можно изгнать из организма лишь спортом, активным отдыхом. Она ищет выхода, а отсюда и пьянки, и драки, и то, что произошло новогодней ночью в Пружанах.

Угрызения совести охватили его растревоженную душу. Эти и другие армейские неполадки лежат и на совести тех, кто отвечает там, наверху, в самом министерстве или в генеральном штабе, там, где должны решаться человеческие проблемы.

Он поднялся, ощутив нарастающую головную боль, долго массировал затылок, но боль не отступала. Ему впервые за всю долгую ночь стало жалко Семена; захотелось подбодрить, сказать что-то теплое и доброе, как сыну, но сразу нужных слов он не нашел. В самый последний момент остановил себя, что-то удержало его, и он тяжело опустился на стул...

Много раз командиры и штабы войск противовоздушной обороны с беспокойством докладывали по команде наверх о необходимости трехсменного дежурства, но генштаб или отмалчивался, или ссылался на отсутствие возможности увеличить штатную численность вооруженных сил. Трехсменка давно назрела: четыре часа у экрана, отдых, занятие — и к экрану локатора через восемь часов! Люди у нас золотые! Все терпят: не только большие нагрузки, а учения, контрольные цели для проверки боеготовности, бригадные и полковые тренировки. Несть им числа!

Разговор между ними о трудностях службы в войсках противовоздушной обороны при несении круглосуточного боевого дежурства, когда время сжато и измеряется секундами и минутами, постепенно затих, но Старший вновь вернулся к поступку Семена, стараясь как можно больше и глубже тронуть его потускневшую совесть.

В открытую дверь удивленно заглядывали солдаты, вернувшиеся из поисковых групп, невыспавшиеся дневальные. Все, кто был в казарме, слышали

вскрик и стук падающего тела: Семен стоял на коленях и что-то невнятно говорил, обращаясь к Старшему.

— Встань, Семен, — повысил голос Старший. — Встань! Мы еще не все сказали друг другу! Товарищи видят твоё позднее раскаяние, Семен. Поднимись, пожалуйста!

— Я... не могу. Сил... нету...

— Помогите ему подняться! — Валерий Константинович сунул руку под мышку солдата, сержанты поддержали сослуживца с другой стороны; общими усилиями его подняли и усадили на армейский табурет.

— Придет для тебя, Семен, как говорят военачальники, «время Ч» — время испытаний. Ты сам выбрал свою судьбу! Нет у тебя, Семен, характера настоящего! Нет! Армия помогла бы тебе приобрести и характер, и волю, и мужество, и твердость духа, и, разумеется, житейскую мудрость. Да и совести тебе надо бы добавить! Слушай свою совесть, она, браток, самое светлое, что есть в человеке, она удержит тебя от дурных поступков. «Забыли радость и печали, а совесть отогнали прочь», — стихи эти принадлежат Пушкину. И ты тоже совесть свою отогнал! Но помни, что неудачи закаляют сильных!

* * *

Семен постепенно затих, перестал всхлипывать. Он впервые в жизни слушал толковые, нужные наставления с таким обостренным и пристальным вниманием. Слова и мысли Старшего находили свое место в его помутневшем сознании, он чувствовал, как советы и пожелания доброго человека становились его достоянием, проникали в дальние уголки души. И как бы хорошо было, думал Семен, подольше побыть рядом с таким человеком, чувствовать его поддержку в таком сложном положении, когда ему придется оказаться перед следствием военного суда.

И только от одной этой мысли Семену вновь стало страшно, и сердце снова похолодало, словно кто-то сжал душу холодной ручищей, и ему вновь стало жалко себя. Угроза одиночества снова связала его по рукам и ногам, от волнения на мгновение захолонуло сердце. Он тяжело вздохнул, опустил плечи и устало прикрыл изнуренные холодом и слезами глаза. Уедет этот человек, размышлял Семен, кому буду нужен: рассерженному ротному командиру, на которого теперь все шишки повалятся? А кому еще?..

Хорошо бы повстречаться с таким человеком в школе или, в крайнем случае, в первые армейские недели, когда домашний уклад жизни круто ломался, а на смену ему пришла казарма с ее жестким распорядком дня, уставными требованиями сержантов и офицеров. Семен вспомнил, как ему трудно давалась команда «Подъем!», когда едва отрываешь голову от теплой подушки, когда весь день занятия, когда приказы и распоряжения лишали возможности на минуту-другую присесть на дубовый армейский табурет, а после вечерней прогулки засыпаешь сразу, как только ухо коснется подушки.

Чем дальше Старший слушал Семена, тем больше укреплялась его уверенность в невинности солдата — не он был зачинщиком, не он, похоже, в борьбе за карабин нажал на курок. А это означало, что человек попал в беду и ему надо помочь. Следователи прокуратуры — ребята молодые, строптивые, крутые в принятии решений, чьих-то советов не очень-то слушают. Как говорится, сами с усами. Придется иметь дело с прокурором округа — седым, воевавшим на фронте с гитлеровцами, малоразговорчивым и сердитым чело-

веком. Сталкиваться с ним — себе во вред, значит, надо найти подход. А может, предупредить следователей и позвонить прямо отсюда в прокуратуру и высказать свое видение случившегося в этом сложном криминальном деле?

Звонок телефона прервал их затянувшуюся беседу. Дневальный подошел к Старшему, протянул трубку, четко доложил:

— Вас, товарищ генерал!

Семен от неожиданности подскочил и, ошалело крутнув головой, впервые увидел, что перед ним сидит человек, имеющий высшее офицерское звание, отчего едва устоял, ухватившись за угол стола. Неужели все утро перед ним военачальник такого высокого звания? Неужели... «Я... же видел его спину и голову сквозь прицельное кольцо карабина! Еще бы шаг-другой и... Нет, нет, тогда, на рассвете, шел кто-то другой... — пронеслась в сознании молодого солдата спасительная мысль. — Не может такого быть! Неужели со мной произошло все это? — Он спрашивал себя, все еще не веря в случившееся с ним там, в сарае, когда он несколько раз прицеливался в человека в шинели стального, голубоватого цвета. — Да, да, вот она висит! Ослеп, что ли? Или сошел с ума в тот рассветный час, и только сейчас сознание вернулось ко мне?»

Он сопоставил все услышанное и увиденное, и ему стало так боязно, как никогда ранее; охватило глубокое внутреннее волнение, которое окатило холодом все его существо. Пока продолжался телефонный разговор, Семен с трудом, едва справляясь с самим собой, почему-то поднялся и принял строевую стойку.

— Нет, нет, товарищ генерал-полковник! Вот он передо мной, пришел в себя. Да, отвечает и даже задает вопросы. Он вполне вменяем. Согласен с вами — пусть отвечает за свои ошибки. Да, да, принимаем все неотложные меры...

В наступившей тишине слышен был лишь стук настенных часов. Рота, кроме командира, находившегося на позиции радиолокаторов, дежурного по роте и двоих беседующих, спала.

— Разрешите, т... т... товарищ генерал, вопрос?

— Садись, Семен.

— Не могу — я впервые в жизни вижу живого генерала.

— Садись, приказываю! Вот так. Что за вопрос?

— Вы сказали об ошибках. А у вас, звиняйте, были в службе и жизни ошибки?

— Вопрос интересный. Были, Семен, были. Я отнюдь не скрываю их...

На лицо Семена легла хитрая, сдерживаемая улыбка.

— Были ошибки, но они были отнюдь не во вред людям — только себе создавал дополнительные трудности. Иногда слишком доверял людям, верил их обещаниям. Ты тоже можешь сказать: «Я ошибся!» Есть такое дьявольское наваждение — зависть. Завистливые люди досадуют на чужую удачу, на успехи в работе, кого-то хвалят, а их не замечают, так им кажется. Хвалят обычно за большой и полезный труд, за успехи в службе. А тех, кто трудится не с полной отдачей сил, лентяев, тех, как им кажется, не замечают. Родается у таких людей обида, гордыня и даже озлобление, а отсюда и оскорбления, и даже клевета, и возведение напраслины. Сколько довелось из-за этого, Семен, «пустыка» пережить, испытать, терпеть. Я не хочу тешить свое тщеславие, но хочу напомнить о своей воспитательной работе в истребительном авиационном полку после окончания академии. Первые полтора года я не имел ни одного полного выходного дня — полеты днем и ночью, вхождение в полный объем обязанностей воспитателя: занятия, беседы, лекции, семи-

нары, читательские конференции по произведениям выдающихся писателей, вечера отдыха (тогда Бог миловал — не было телевидения!), зимой лыжные соревнования (я любил лыжи) с участием летчиков, техников, механиков, жен и детей офицеров, художественная самодеятельность — работы прорва! Свободного времени оставалось — только час на чтение книг и шесть-семь часов на сон...

Ошибки бывают разные: в строй опоздал, из увольнения прибыл не вовремя, непотребно или грубо выразился. Ты совершил опасный проступок — с оружием в руках употребил спиртное, с оружием ушел из расположения роты. Есть поговорка: «Наступил на зубья — грабли в лоб». Из твоего карабина тяжело ранен человек. Это тягчайшее преступление! И тебе предстоит нести ответственность. Тебя ждут суровые испытания! Особенно, если человек оказывается в заключении.

— Там бьют? — тихо и подавленно спросил присмиривший солдат.

— Бьют, Семен! Во время службы на Севере довелось побывать в лагере у осужденного солдата нашей части.

— А как он туда попал?

— Солдат второго года службы ушел в самовольную отлучку и в поселке изнасиловал шестнадцатилетнюю девушку. Она росла без родителей, жила и воспитывалась у заботливой и любящей бабушки.

— Да как же он посмел, негодяй? Она же сирота! — искренне возмутился Семен. — Она и так несчастная без отца и матери! Он же негодяй! Сволочь! — скуластое лицо Семена покрылось бурыми пятнами, а серо-голубые глаза наполнились ненавистью.

Старший дал возможность выговориться Семену; ему хотелось узнать, внял ли он его размышлениям и советам, глубоко ли он осознал свой проступок и бессмысленное поведение в новогоднюю ночь.

— Во время расследования разгневанные жители гарнизона требовали самого строгого наказания насильнику вплоть до расстрела. Я с помощником немедленно вылетел на место тяжелого преступления. Военный суд приговорил насильника к двенадцати годам.

— Так много! Двенадцать лет! — ахнул Семен.

— В то время за насилие суды выносили очень строгие наказания, закон такой ввел еще Сталин в начале пятидесятых.

Через полгода начальник лагеря прислал письмо-просьбу нашего бывшего солдата — возьмите на поруки. В те годы с подачи Хрущева существовало такое положение в законодательстве. Около месяца собирали подписи сержантов и солдат. Желających поддержать просьбу осужденного оказалось мало.

Командир дивизии полковник Анатолий Хюпенен поручил мне представить армейскую общественность при рассмотрении просьбы насильника. Мы с начальником лагеря ходили по рядам, и я лопатками, кожей ощущал тяжелые, завистливые взгляды сотен осужденных, а это, Семен, не хухры-мухры. Начальник не скрывал, что в заключении не изжиты насилие, поборы, драки, власть паханов. «Неужели нельзя укротить власть паханов, поборы, избиения?» — спросил я. «Укрощаем, товарищ полковник, повторно судим. Боремся! Но за каждым паханом уследить очень трудно, а иногда и невозможно. Особенно опасна статья об изнасиловании, она вызывает самую жестокую расправу — почти у каждого осужденного дома остались жена, дочь, сестра, и такие мстят, как правило, жестоким убийством. Мы стараемся таких заключенных почаще переводить из отряда в другой отряд. Но не всегда нам удается спасти осужденного за насилие. Не всегда! А если кому-то из потерпевших осужденных удастся пожаловаться нашим сотрудникам, то каким-то

неизвестным нам путем шайка узнает и жестоко расправляется во время работы на лесоповале — многолетняя сосна падает именно на жалобщика. Не уследишь! — начальник лагеря удрученно развел руками. — Лес вокруг!»

Повидаться с нашим бывшим солдатом-насильником мне удалось. С трудом узнал его: худой, с осунувшимся лицом и потухшим, страдальческим взглядом; его, похоже, уже «опетушили» зеки. Тихий, простуженный, хриплый голос, почерневшие от холода и топорищ руки дрожали. С трудом он рассказал о страданиях и о пережитом: «Существую, а не живу, нахожусь под постоянным страхом смерти. Мой дембельный год, — с большими паузами выдавливал из себя каждое слово бывший солдат, — наверно, будет последним годом в моей такой нескладной, изломанной жизни. Я часто вспоминаю и тот проклятый вечер, и ту окаянную самоволку, и свое позорное поведение. Эх, если бы знать!.. Бедная мама — она, страдалница, теперь совсем одна, несчастная». Он тяжело вздохнул.

Из той памятной встречи в лагере я и мои помощники-однополчане взяли очень много. Чужая горькая судьба сблизила нас, наших ротных, батальонных и полковых воспитателей. Мы по-иному стали относиться к нашей профессии. Мы, естественно, не сразу, но старались быть ближе к каждому солдату и сержанту, настойчиво и предметно наставлять и внушать молодым людям более ответственно исполнять все до единого требования дисциплины. Мы терпеливо убеждали каждого военнослужащего чаще задумываться о своей судьбе, всегда руководствоваться древним правилом: «Прежде чем войти, подумай, как выйти».

И что, Семен, интересно: в том году в нашей большой по численности и огромной по территории краснознаменной 23-й дивизии противовоздушной обороны страны, расположенной в болотистой местности, в тундре, на побережье Баренцева и Карского морей, не было ни самовольных отлучек, ни потерь личного состава. Трагическая судьба одного человека повлияла на десятки коллективов — мы настойчиво рассказывали людям о случившемся так, как все произошло, стараясь, чтобы каждый солдат и сержант знали судьбу того несчастного человека.

Через несколько месяцев позвонил начальник лагеря и сообщил о гибели бывшего нашего солдата, заключенного: на него «случайно» упали два огромных дерева.

Видишь, Семен, как иногда бывает: не пойдя солдат в самовольную отлучку, не случилось бы и тяжелого насилия, не было бы военного суда и лагеря. И единственный сын у одинокой матери был бы жив и помогал бы своей маме дожить в покое и радости до седых волос.

Семен сидел молча, ссутулившись, вслушиваясь в каждое слово. Иногда он согласно кивал головой, а в конце истории о трагической судьбе молодого человека у Семена по щекам начали скатываться скупые слезы...

Старший заметил, выждал какое-то время, тихо произнес:

— Поплачь, Семен, поплачь. Твои слезы от чистого сердца.

* * *

Вскоре снова о себе дал знать ротный телефон:

— Москва интересуется вашим возвращением, — сообщил заместитель. — Требуется срочного письменного доклада шифротелеграммой о ходе расследования случившегося.

— Слышишь, Семен, какое внимание уделяется твоей персоне? Натворил, браток! Мы с тобой говорили о многом важном и для жизни, и для нас. Старай-

ся не делать дурного — тебе еще жить да жить! Молодые люди часто не думают о своем будущем, живут одним днем в мираже развлечений. Ты, наверно, не знаешь, что гибель античной культуры была вызвана безнравственностью, распутством. Этого-то и опасаемся мы — мальчишки военных лет, выросшие в тяжелом труде, голоде и холоде, потерявшие на фронте отцов.

* * *

Чем дольше Старший слушал ободренного и немного успокоившегося Семена, тем больше верил в сравнительно малую виновность молодого солдата, и значит, он должен помочь человеку, попавшему в беду. Необходимо все еще раз обдумать, ибо его позиция вряд ли будет принята военной прокуратурой — там ребята отнюдь не простые и ни в чьих советах, как однажды ему было сказано, не нуждаются. Значит, дело придется иметь с главным прокурором округа Анатолием Корнеевичем. Другого, похоже, не дано. Надо во что бы то ни стало помочь парню...

Разумеется, придется с просьбой идти к командующему войсками округа, а это отнюдь не простое решение, тем более что скоро на заседании военного совета округа будет рассматриваться твоя, Валерий, кандидатура на сравнительно высокую должность в округе. Да, обстановочка, небо может с овчинку показаться... Но главное — помочь парню. Пока на лыжах бегаешь, в теннис играешь — можно еще и нужно потрудиться на поприще воспитания молодой поросли офицеров и солдат. Не случайно нынешняя должность утверждалась самим генсеком...

Нет-нет, выбор, похоже, сделан — надо помочь несмышленишу, это и долг, и отцовская забота, и вопрос личной совести. Надо почаще бывать в ротах. И добиться должности замполита отдельной роты. Сознание того, что надо изо всех сил делать добро, чаще радовать людей, — это, как определил граф Лев Толстой, — великая цель. Она взбодрила Валерия Константиновича, что, естественно, сказалось на его душевном состоянии, помогло бороться и с усталостью — на ногах и без сна больше суток.

Глубоко скрытое недовольство, досада и раздражение нет-нет да и проявлялись. Глядя на роту, на зачуханных, усталых от бессонницы, издерганных солдат и сержантов, на измученного, изнуренного множеством забот ротного командира, глядя на давно не отремонтированную казарму с печным отоплением и остальными удобствами на улице, Старший размышлял и спрашивал: а почему у нас так бедно и неустроенно? Побывал у немцев в Восточной Германии, увидел: кирпичные казармы постройки тридцатых годов, разрушенные войной сороковых, но в них все ладно и ухожено: полы обновлены, внутренний туалет новехонький с блестящими трубами и писсуарами, оружейная комната покрашена, оригинальные потолочные люстры, кровати одноярусные, городской телефон рядом с дневальным, комната отдыха — чистенькая, с полумягкими стульями, шахматами, библиотекой и настольными лампами, почти домашняя обстановка. Почему у немцев нет ни одного поломанного стула, ни одного покореженного крана в умывальнике? Люди с детства приучены относиться ко всему окружающему — имуществу, деревьям, садовым скамьям — бережно и заботливо, как к своему личному и домашнему...

Почему? Мы же в первую очередь (так по плану сверху) строили железобетонные ракетные позиции и насыпали высоченные, до неба, горки для антенн радиолокаторов, технические хранилища для ракет с постоянной температу-

рой, а если головка ракеты С-75 с ядерным зарядом, то там и относительная влажность постоянная. Казармы же — сборно-щитовые, неудобные, холодные осенью и зимой, без туалета и умывальных комнат. Уместнее, разумеется, было бы обратиться свои предложения одному из заместителей министра обороны, к руководству Генерального штаба, но там не восприняли должным образом обращения, посчитали их не столь острыми, нужными и несвоевременными, все уже спланировано на пятилетку вперед. Обратился к одному из начальников главкомата, так тот вскипел: «Не по-государственному мыслишь! Безопасность страны — в первую очередь!»

Вспомнилось и строительство на Севере, под Рикасихой, недалеко от Северодвинска, по бездорожью, в болотистой местности. Дивизия сама готовила боевые позиции под новейшие в ту пору ракеты С-200 (они и до настоящего времени еще служат!) для надежного прикрытия завода по производству атомных подводных лодок. Командир дивизии полковник Анатолий Хюпенен в плащ-накидке, под дождем, осенью, в резиновых сапогах, по приказу главного командующего неделями «выкладывался» до предела, организуя, по сути, весь процесс создания огневых позиций, подгоняя строителей личным примером, неделями не покидая стройку. Майор Михаил Бакуменко месяцами оставался на площадке, удерживая замерзающих солдат, сержантов, младших офицеров от употребления «для сугреву» спиртного, неизвестно как и откуда попадавшего на стройку, предупреждая падение уровня воинской дисциплины. Майор Леша Семенов с взводом солдат круглосуточно укладывал горячий асфальт на аэродромную посадочную полосу. Капитан Толя Толстой активно помогал молодым командирам и политработникам заполярных отдельных радиолокационных рот и батальонов осваивать сложнейшие обязанности и по постоянному боевому дежурству, и по воспитанию у недавно призванного личного состава выдержки, мужества, стойкости при исполнении служебных обязанностей часто в почти непосильной климатической и боевой обстановке.

Да, так было, и надо называть вещи своими именами: чуть ли не вся служба в тех условиях на пределе сил и нервов.

— И таких военнотружеников нашего поколения большинство, Семен. Теперешние трудности даже в таких непростых условиях, как ваши, не идут ни в какое сравнение с той северной обстановкой. Люди служили на пределе, по максимуму, не глядя на часы, несмотря на предельную усталость.

Почему мы такие, спросишь? Потому что еще мальчишками старались в учебе, трудились на школьном и колхозном полях, на приусадебных участках. И мы мечтали! Кто стать летчиками, как мой друг Павлик Рогожин, кто — моряками, как Коля Воронин. Многие девочки нашего 7 «А» класса стали учителями, глядя и восхищаясь нашей первой учительницей, милой и обаятельной Верой Васильевной Разумовской.

Не могу, Семен, не рассказать о своей судьбе. После окончания семилетки поступил в Первую московскую спецшколу Военно-Воздушных Сил, эвакуированную в 1941 году, когда немцы подошли к Москве, в Сибирь, станция Заводоуковск. Вот там мы в 1943—1944 годах хватили лиха! В красноармейских гимнастерках и ношенных нашими предшественниками шинельках, армейских ботинках, мы в глубинке всю осень и зиму по два дня в неделю грузили тяжеленные бревна для войск Белорусского фронта, толстенные доски «сороковки» для блиндажей, землянок и окопов.

— Холодно было, зима, а вы в ботинках. Болели, чай, много?

— Поразительно! За осень и зиму никто ни разу не простудился! Никто! Сами потом удивлялись! А почему так было? Потому что все мы, шестнадцати-

летние мальчишки в гимнастерках, мечтали стать летчиками! Мечта помогала одолевать болезни! Упредила простуду! Укрепила защитную силу организма!

— И никто не лежал в больнице?

— Лежали, многие, но по другой причине: поднимали тяжелые бревна, и это приводило к паховым грыжам. Когда мы стали курсантами Армавирского училища летчиков в 711-м учебном авиационном полку (станция Кореновская под Краснодаром), мы помогали в колхозах убирать обильные кубанские урожаи — грузили и увозили с полей пшеницу на элеватор или в склады. Нас посылали на разгрузочные работы даже в праздничные дни. 7—8 ноября — день Октябрьской революции. После торжественного собрания наша эскадрилья всю ночь и весь день под проливным дождем разгружала уголь и дрова для отопления учебных классов, столовой, казармы и санитарной части. И с нами все это время был рядом комэск Александр Фурса! Мы его еще больше заужали...

И подобных трудностей в службе нашего поколения было много. И почему, спросишь? Ради чего? Отвечу: ради спокойствия и мирного труда нашего терпеливого, умного и многострадального народа, ради детей и внуков наших, ради тебя, вашего и будущих поколений...

Жил, Семен, композитор Бетховен — очень талантливый, создал девять симфоний и несколько сонат. Но так случилось, что из-за неразделенной любви остался одиноким. Сначала умерла его любимая мама, а пьяница-отец заставлял маленького Людвига играть на скрипочке для уличных прохожих, чтобы изъять у сына заработанные деньги и приобрести еще бутылку-другую вина. Сначала Людвиг обручился с Терезой Брунsvик, которая любила его, была достойна его. И он посвятил ей, «бессмертной возлюбленной», великолепную Аппассионату, но то ли болезни композитора, то ли его тяжелый характер, то ли загадочные причины помешали счастью двух любящих людей. Предметом страсти Людвига была и Джульетта Гвичарди, которую он обессмертил, посвятив ей «Лунную сонату». Джульетта была кокетка, она причинила композитору много страданий и... вышла замуж за графа. Влюбчивость Бетховена привела к горьким мукам. Отметим еще один удар судьбы — медленное наступление глухоты. «Я влачу жалкое существование, — писал Бетховен одному из знакомых. Больше нет у меня друзей, и я в мире один». Болезни Бетховена усиливались, к заболеваниям легких прибавились заболевания желудка и кишечника, он испытывал ужасные страдания, мучительные приступы боли. Преодолевая терзания и удары судьбы, Бетховен продолжал сочинять музыкальные произведения. Он приносил людям радость. Радость через страдания! Представляешь, Семен, глыба таланта и музыкальный дар божий воодушевляет море людское, озаряет миллионы людей счастьем и радостью, а сам творец несчастлив и одинок! Какая сила воли! Пример для всего человечества — страдая, делать добро другим...

Разве можно сравнить наши с тобой страдания с муками великого композитора? Великолепный пример для подражания — стараться изо всех сил делать добро людям...

* * *

Пока Валерий Константинович размышлял и вслух, и для себя, Семен слушал его, затаив дыхание, не шевелясь, стараясь запомнить каждое слово Старшего, удивляясь и его простоте, и его доступности, радуясь своему впервые в жизни короткому счастью быть рядом с таким интересным и умным человеком.

— А вам много пришлось страдать?

— Много. Потеря любимого, доброго отца в 1942 году. Страдал и от бедности, и недоедания в годы войны, и от несправедливого отношения начальников, и...

— И вас обижали?

— Еще как! Например, запрещали летать, а мне очень хотелось подниматься в небо вместе с другими летчиками.

— Почему?

— Командующий северной армией ПВО генерал Г. не стал даже слушать. «Пока в дивизии не будет крепкой дисциплины, будешь на земле наводить в войсках порядок!»

— А кто нарушал дисциплину?

— Такие, как ты, солдаты, сержанты: то уйдут в самовольную отлучку в поселок, выпьют и подерутся с деревенскими парнями, то между собой не поладят, то из сельского ларька украдут конфеты и пиво, то офицеру дежурному не подчинился подвыпивший солдат-рабочий по кухне, он применил оружие и ранил нарушителя. Кто-то из дивизионных начальников должен нести ответственность за грубые нарушения воинской дисциплины... Мне было обидно и горько. Я, разумеется, мучился от обиды, страдал. Я — летчик и должен летать! А мне запрещали! Больно было, Семен, обидно.

— Вы бы пожаловались, — сочувственно посоветовал молодой солдат.

— На требования начальника жаловаться в армии не принято. То, что натворили вы, — преступление. Вас, естественно, накажут! Но и ваших командиров могут наказать.

— За что? — удивился Семен.

— За чрезвычайное происшествие — применение оружия.

— Но наш командир роты не применял оружия!

— В армии за проступки подчиненных ответственность несут их начальники. Будет наказан и ваш командир роты.

— Но это несправедливо! Он не виноват.

— Он несет ответственность за все, что происходит в роте. А ты и твои «дружки» грубо нарушили воинскую дисциплину, совершили преступление, поставили его в тяжелое положение. А у него семья! Вы подвели своего командира. Вы потеряли совесть! Священнослужители утверждают: «Совесть — глас Божий». А если твоя мать узнает о твоем проступке? Что ты ей скажешь?..

Семен мысленно повторил слова «Совесть — глас Божий», и слова неожиданно по-особому зазвучали в ушах, как трубы оркестра в день принятия присяги при исполнении старинного марша. Та пронизывающая сердце музыка запомнилась ему на всю жизнь. Позже он узнал, что тот старинный марш назывался «Прощание славянки».

* * *

И снова подал голос ротный телефон. Старший в это время смотрел в окно и радовался незаметно наступившему солнечному дню. Солнце, наконец, прогнало облака, раскрыло чистую небесную голубизну. Он взял трубку и услышал знакомый бархатный, вкрадчивый голос:

— Докладывает начальник медслужбы полковник Хоровец. Вторая операция закончилась успешно. Опасность ранения уменьшилась после извлече-

ния пули. Появилась надежда на выздоровление. Улучшение началось после введения в вену тяжелораненого плазмы крови молодой женщины.

— Генрих Маркович, спасибо вам огромное и за участие в операции, и за добрую новость! Как говорил командир эскадрильи капитан Титаренко из фильма «В бой идут одни старики»: «Будем жить!»

Закончив разговор, Старший с сияющей, первой за сутки, улыбкой осторожно положил на рычаг трубку, кивнул на аппарат:

— Слышал радостное сообщение? Будем надеяться на лучшее, хотя тебе предстоит допросы, следствие, очные ставки. Главное — человек будет жить! Мудрый Экклезиаст отмечал: «Познал я, что нет для них ничего лучшего, как трудиться и делать доброе в жизни своей... Нет ничего лучшего, как наслаждаться делами своими, которые сделали руки мои... А все остальное — суета сует и томление духа, и нет от них пользы под солнцем... И еще познал я, что для других нет ничего лучшего, как веселиться...»

Семен все глубже входил в широкое половодье размышлений своего наставника, радуясь медленно наступавшему внутреннему успокоению. «Слава Богу — раненый жить будет!»

— Спасибо вам. Вы перевернули мою жизнь, открыли глаза — я теперь по-другому вижу людей, и хороших, и плохих. Я только сегодня почувствовал настоящую человеческую доброту. Мне стыдно смотреть вам в глаза... И еще... Я обязательно отыщу свою маму и буду ей помогать...

Валерий почувствовал, как в душе раскрылось горячее чувство родственной, почти отцовской близости к этому невзрачному, несчастному пареньку, не выдавшему в своей жизни ни материнской ласки, ни отцовской заботы, не ощутившему теплоты семейных отношений, но уже испытывавшему черствость, грубость, унижение. Бедняга не испытал сладость конфеты из руки матери, не пережил детской и юношеской радости от теплых отцовских рук. Несчастный мальчишка! На Валерия нахлынуло горячее чувство сострадания, глаза начали наполняться слезами жалости и сочувствия, а душа переполнилась мгновенно вспыхнувшей сердечной близостью. На этот раз он не удержался, шагнул к Семену, обхватил руками неразвитые еще мальчишеские плечи, крепко прижал его к груди, небритой щекой прильнул к его лицу и тут же ощутил ответную силу юношеских рук.

И ощутил горячие слезы на своем лице...

В усталых, печальных мальчишеских глазах читалось и ожидание радости, и глубоко спрятанная тревога, теплилась надежда на преодоление трудностей на пути так нескладно начавшейся молодой жизни.

